

DOI: 10.15643/libartrus-2021.6.7

Сравнение фонетико-морфологических особенностей даргинских идиомов: ицаринского, санжинского и тантынского

© Р. О. Муталов

Институт языкознания РАН

Россия, 125009 г. Москва, Большой Кисловский переулок, 1, стр. 1.

Email: mutalovr@mail.ru

Статья посвящена сравнительной характеристике фонетических и грамматических особенностей трех даргинских идиомов: ицаринского, санжинского и тантынского. Проблема разграничения даргинских языков и диалектов остается в кавказоведении одной из актуальных: до сих пор нет общепринятой классификации этих идиомов. Нерешенным остается также вопрос о статусе даргинских идиомов: являются ли они самостоятельными языками или же они диалекты одного языка. Ранее они считались диалектами одного языка, но в работах последних десятилетий исследователи на основе лексикостатистического метода выделяют 17 даргинских языков. В данной работе наряду с лексикостатистическим методом используется и грамматический критерий: основное внимание уделено изучению основных фонетических и морфологических явлений в данных идиомах. В результате исследования выявлено, что звуковая система санжинского идиома значительно ближе к тантынскому, а по числу совпадений и отличий в морфологии санжинский находится примерно между ицаринским и тантынским. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке окончательной классификации даргинских языков и диалектов, а также при создании сравнительно-исторической грамматики даргинских языков.

Ключевые слова: кавказские языки, даргинские языки, классификация языков, лексикостатистический метод, фонология, звуковые процессы, морфология, грамматические категории.

При разграничении языков и диалектов лингвисты в нашей стране и за рубежом сталкиваются со множеством проблем различного рода. Одной из наиболее сложных в этом плане остается ситуация с даргинскими языками. Они распространены в Центральном Дагестане; общее число говорящих около 510 тыс. человек. Данные языки и диалекты представляют собой языковой континуум, в котором соседние идиомы близки между собой, а речь носителей крайних идиомов становится невзаимнопонятной. Поэтому неудивительно, что до сих пор нет единой классификации, которая более или менее устраивала бы даргиноведов; вопрос установления границ между даргинскими идиомами остается крайне актуальным.

Сложность проблемы заключается также в том, что долгое время оставался нерешенным вопрос о статусе даргинских идиомов – это языки или диалекты? В классификациях 20–30-х гг. XX в. кайтагский и кубачинский считались самостоятельными языками. Но впоследствии, исходя из экстралингвистических соображений, было решено считать все даргинские идиомы диалектами одного языка. Критерии, которые в годы «языкового строительства» применялись для разграничения аварских или лезгинских языков, по отношению к даргинским идиомам применены не были.

Кардинально эта проблема была решена в работах Ю. Б. Корякова, когда он, используя метод лексикостатистики, выделил 17 даргинских языков [5, с. 33–36]. При разграничении языков и диалектов одним из основных он считает критерий взаимопонятности между носителями разных идиомов: «В качестве модели, аппроксимирующей уровень взаимопонимания, мы используем метод на основе сравнения базовой лексики, предложенный в 2017 г. В его основе лежит сравнение 100-словных списков Сводеша – Старостина [17, 29], для которого обоснованы и разработаны строгие семантические спецификации. В случае, если процент совпадений по этим спискам между двумя идиомами оказывается выше 90%, они считаются диалектами одного языка, если ниже – разными языками (диалектами разных языков)» [6, с. 141]. В классификации 2021 г. он выделяет уже 15 даргинских языков [6, с. 141–148].

Тем не менее исследование грамматического уровня даргинских идиомов показывает, что метод лексикостатистики недостаточно объективно отражает отличия между близкородственными идиомами. Поэтому считаем, что было бы целесообразно вместе с лексикостатистическим методом применить и грамматический критерий – во всех даргинских идиомах нужно исследовать основные фонетические и морфологические явления и путем сравнения выявить процент совпадений и расхождений. Совмещение результатов этих двух подходов даст возможность подготовить классификацию даргинских идиомов.

В настоящей статье сравнению подвергнуты данные трех даргинских идиомов – ицаринского, санжинского и тантынского. Их выбор был продиктован, прежде всего, тем, что по ним есть современные грамматические описания – ицаринского [19] (на англ. языке), санжинского [25] (на англ. языке) и тантынского [18].

Во-вторых, дискуссионным в даргиноведении остается вопрос о единстве ицаринского и санжинского идиомов. В работе «Очерки даргинской диалектологии» С. М. Гасанова выделила «диалектную группу санжинского типа, куда относит санжинский диалект с. Санжи с хуторами (но остается непонятным, какими. – *Р. М.*) и ицаринский говор [2, с. 39]. Но в той же работе она отмечает, что «речь села Ицари отличается и от Муира, и от Сирхя, и от Кубачи» [2, с. 116]. Там же она пишет, что «речь селений Санжи и Худуц – два говора одного диалекта с весьма незначительной разницей одного от другого» [2, с. 116].

В классификациях Ю. Корякова они отнесены к одному языку, поскольку процент совпадений по лексикостатистике составляет 90. В работе [5] они выделяются в качестве единого санжи-ицаринского языка. Однако исследование фонетической системы и грамматического строя двух идиомов показывает, что эти идиомы достаточно далеко отстоят друг от друга.

Нужно также учесть и тот факт, что основная лексика из стословного списка может легко подвергаться изменениям. Так, например, село Санжи входило в Ицаринский сельсовет, санжинцы были членами колхоза «Комсомол», центр которого находился в Ицари, санжинские дети после 4-го класса обучались в Ицаринской средней школе, все они хорошо владели ицаринским, что вполне могло отразиться на точности санжинского стословного списка.

Тантынская речь ранее относилась к цудахарскому диалекту [2, с. 38], затем к бутри-усишинскому [5, с. 33], а в последней классификации отнесена к сирхинскому [6, с. 143]. В таком случае данный говор выступает крайней северной точкой сирхинского идиома, и было интересно выявить различия и сходства между санжинским и тантынским идиомами.

Все три идиома относятся к южнодаргинским языкам, но отличия между ними в фонетике и морфологии довольно существенные. В данной статье не рассматриваются те явления, которые совпадают во всех трех идиомах, типа наличия геминированных согласных, лабиализации,

фарингализации, личного местоимения 1-го лица (*ду*), личных окончаний (*-да* (1-е л.), *-ди* (2-е л.)) и т.д.

Процент совпадений по лексикостатистике между ицаринским и санжинским составляет 90, санжинским и тантынским – 88, ицаринским и тантынским – 86 [6]. Следует также отметить, что Ицари и Санжи расположены рядом (расстояние 6 км), а от Санжи до Танта 60 км.

Фонетические отличия. Звуковой строй всех трех рассматриваемых диалектов примерно одинаковый – в них имеются геминированные, лабиализованные и фарингализованные звуки, которых нет в литературном даргинском языке. В тантынском идиоме функционирует специфический звук – звонкий фриктивный ларингал *гъl* (*гълу* «ты») [18, с. 41], который отсутствует в ицаринском и санжинском.

Одним из основных фонетических явлений, по которому можно классифицировать даргинские идиомы, выступает функционирование в конце слов гласного *-е* или *-и* в ряде словоформ – в формах множественного числа существительных, формах ин-латива, суффиксах деепричастия и наречия. По признаку наличия в конце слов данных гласных даргинские идиомы можно разделить на 2 группы: «икающие» и «екающие». Ицаринский в этом плане относится к «икающим», а санжинский и тантынский – к «екающим»: ицар.: *цlа* «огонь» – *цlа-ми* «огни», санж., тант.: *цlа-ме*.

В позиции между двумя согласными и в конце слов геминированные согласные в санжинском и тантынском подвергаются процессу дегеминации, в то время как в ицаринском они не меняются: ицар.: *бацц* «месяц», санж., тант.: *бац*.

При образовании форм множественного числа существительных в ряде слов происходит апофония (чередование гласных). В ицаринском при этом гласный *а* чередуется с гласным *и*: *къап* «мешок» *къипри*, а в санжинском и тантынском – с гласным *у*: *къупре*. В ряде случаев в ицаринском гласный *а* может не меняться: ицар.: *хабар* «рассказ» – *хабарти*, санж., тант.: *хабурте*.

Если при присоединении преверба к глагольной основе рядом оказываются две гласные, то в ицаринском между ними вставляется эпентеза *-тт-*, чего не происходит в санжинском и тантынском: ицар.: *ка + элгун > ка-тт-елгун* «остался», санж., тант.: *келгун*.

Широко распространены в ицаринском долгие гласные, которые несут фонематическую нагрузку и образуются, в частности, при присоединении превербов (при этом выпадает классный показатель *в*) и последующем слиянии двух гласных: *ка + ватур > ка:тур* «посадил» (1 кл.) (знак двоеточия используется здесь и далее для обозначения долготы гласного). В санжинском также встречаются долгие гласные: *а + агур > а:гур* «не ушел», в тантынском долгих гласных нет.

Между ицаринским, с одной стороны, и санжинским и тантынским, с другой, имеются ряд звукосоответствий: *и//е: дихх* «груз» – *дех*, *и//у: бихъна* «старый» – *бухъна*, *б//м: бибккун* «отелилась» – *бемккун*, *гъ//х: багъур* «узнал» *бахур* и т.д. В ицаринском встречается также наращение согласного *г* в конце ряда слов, отсутствующее в санжинском и тантынском: *алав* «вокруг» – *алавг*. И, наоборот, в санжинском и тантынском в некоторых словах имеется наращение сонорного *н*, которое не отмечено в ицаринском: *уц* «вол» – *унц*. Звукосоответствие *и//с* отмечено между ицаринским и санжинским, с одной стороны, и тантынским, с другой: *цав* «сам» – *сай*.

При стечении сонорных *р* и *л* в ицаринском происходит регрессивная ассимиляция (*багъур* «узнал» + *ли* > *багъулли*), в санжинском – прогрессивная (*бахурре*), а в тантынском изменений при этом не наблюдается (*бахурле*).

Таким образом, из рассмотренных 15 явлений звуковой системы в тантынском и санжинском совпадают 12, в ицаринском и санжинском 2, а в ицаринском и тантынском совпадений не выявлено.

Морфологические различия. В рассматриваемых идиомах представлено различное число показателей плюралиса: в ицаринском их 17, в санжинском – 14, в тантынском – 13. Форма множественного числа одного и того же существительного в разных идиомах может быть образована посредством различных показателей: *кьяли* «ветка» – *кьяли-ппи* (ицар.), *кьял-ме* (санж.), *кьял-бе* (тант.). Отличия в идиомах имеются также между аффиксами плюралиса: например, различие в показателе *-ни*: *-ни/-ин* (ицар. *ликк-ин* «кости»), *-не* (санж. и тант. *лик-не* «кости»).

Значительное количество отличий отмечено и в категории падежа. В тантынском идиомах функционирует специальный падеж – адвербиалис с показателем *-ле*, которого нет в ицаринском и санжинском. Он «маркирует у существительных форму, употребляющуюся в роли именного предиката при некоторых связочных глаголах, а также в функции вторичного предиката» [19, с. 64]: *гьитти агранумте-ле буцциб* «они работали агрономами» [19, с. 64].

Форма датива в ицаринском и санжинском образуется посредством маркера *-й*, а в тантынском – *-ж*: *юлдаш-ли-й* «другу» (ицар., санж.) – *юлдаш-ли-ж* (тант.). Комитатив оформляется показателем *-цилли* (ицар. *юлдаши-цилли*), *-целла* (санж. *юлдашли-целла*), *-ццеле* (тант. *юлдашли-ццеле*). Форма эргатива во множественном числе маркируется показателем *-а-лли* (ицар. *адамти* «люди» – *адамт-а-лли*), *-а-л* (санж. *адамт-а-л*), *-а-ли* (тант. *адамт-а-ли*).

Элатив (исходный падеж) в ицаринском имеет показатель *-р(ттал(ли))*, в санжинском *-р(ка)*, в тантынском *-р(ка, гьа, са, де(ле))*. В отличие от ицаринского и санжинского в тантынском наличествует категория направления, которая образуется присоединением к окончанию элатива *-р* показателей *-ка* «вниз», *-гьа* «вверх», *-са* «сюда», *-де* «туда». Как отмечается в работе [19], «показатели категории направления встречаются только в лативных и элативных формах. При этом в лативных формах выражение направления факультативно, а в элативных обязательно» [19, с. 69].

Супер-латив *-йа* «на» представлен лишь в санжинском и тантынском идиомах (*ккумили-йа* «на мост»). Супер-латив на *-й/-ли-й* функционирует в ицаринском (*курсси-ли-й* «на стул»). Форма ад-латива, образуемая посредством показателя *-шшу* и указывающая на область, типично ассоциируемую с объектом, имеется в санжинском и тантынском (*ккумили-шшу* «к мосту»), а в ицаринском отсутствует. Апуд-латив со значением «за» образуется в ицаринском посредством показателей *-гьа/-леь*, санжинском *-гьара*, в тантынском *-гьира*.

Форма ин-латива на *-хле* «в», характерная для севернодаргинских идиомов, представлена лишь в тантынском (*ккумиле-хле-б* «в мосту»); она отсутствует в ицаринском и санжинском. Аллатив в ицаринском образуется посредством морфемы *-б=ал*, (где *б* – изменяющийся классно-числовой показатель: *шилици-бал* «в сторону села»), в санжинском – *-б=а*, в тантынском – *-б=ял*, как в акушинском идиомах.

Прилагательное в сравниваемых идиомах оформляется посредством аффиксов *-ци* (ицар. *ччакква-ци* «красивый»), *-це* (санж.), *-се* (тант.). Простые количественные числительные в большинстве даргинских идиомов, в т.ч. санжинском и тантынском, содержат суффикс *-ал* (кроме числительного *ца* «один»). В ицаринском же, как и в кубачинском, данный суффикс отсутствует. Составные числительные, содержащие сотни, в ицаринском и санжинском

образуются посредством суффикса *-лим* (*дарш-лим ца* «сто один»), а в тантынском – *-либ* (*дарш-либ ца* «сто один»). Исходной считается тантынская форма, где *б* представляет собой окаменевший классный показатель [10]. Порядковые числительные образуются в ицаринском посредством элементов *-ибци/-ибил*, в санжинском – *-ибил*, в тантынском – *-ибил/-ужил*.

Личным местоимением 2-го лица «ты» в ицаринском и санжинском выступает *у*, в тантынском – *гълу*. Местоимение 1-го лица множественного числа «мы» в ицаринском и санжинском: *нушша*, в тантынском – *нухъхъа*. Отличается в трех идиомах и местоимение «вы»: в ицаринском *нушша* (совпадает с формой 1-го лица множественного числа), в санжинском *ушша*, в тантынском *гълухъхъа* «вы».

При склонении личного местоимения *ду* «я» в косвенных падежах в ицаринском и санжинском гласный *у* чередуется с *и* (*ди-цици/ди-цице* «мне»), а в тантынском – с *а* (*да-м-цице*). Образование форм косвенных падежей местоимений 2-го лица единственного и множественного чисел совпадет в санжинском и тантынском, в отличие от ицаринского: в них гласный *у* чередуется с гласным *а*, а в ицаринском – с *и*. Вопросительное местоимение «кто?» в ицаринском и санжинском совпадает: *ча*, в тантынском же имеем *чи* (как в акушинском). В косвенных падежах в ицаринском и санжинском вместо начального *ч* используется спирант *гъ* (*гъи-*), в тантынском же звук *ч* не меняется: (*чи-*).

Местоимение «который» в ицаринском будет *кук*, в санжинском – *цегъуна/кутти*, в тантынском – *чутти*. В формах косвенных падежей возвратного местоимения *цав* «сам» в ицаринском и санжинском гласный *а* чередуется с гласным *и* (*цинни* (эргатив)), а в тантынском – с гласным *у*: *сунни*. Совпадает в ицаринском и санжинском и неопределенное местоимение «кто-то»: *чадел*; в тантынском же имеем *чаянне*.

В ицаринском идиоме функционируют наречия места, дифференцирующие направление или месторасположение объекта как в зависимости от горизонтальной или вертикальной плоскостей, так и от сторон света. Так, наречие *чи* передает значение «вертикально вверх, вверх в северную сторону под каким-либо углом»; наречие *чле* указывает на направленность предмета в северную сторону по горизонтали; *члуг* «вниз под каким-либо углом в северную сторону». Наречие *гъи* передает значение «вверх или в южную сторону, от вертикали до горизонтали»; *гъе* – значение «в южную сторону, по горизонтали»; *гъуг* – «вертикально вниз, вниз под каким-либо углом, в южную сторону», *жи* – «сюда, снизу», *же* – «сюда, по горизонтали», *жуг* – «сюда, сверху», *ли* – «туда снизу», *ле* – «туда, по горизонтали», *луг* «туда, сверху» [13]. Подобные формы не отмечены в других даргинских языках.

В санжинском и тантынском представлена частица *-кква*, выражающая значение вежливости, просьбы: *бати-кква* «оставь, пожалуйста». В ицаринском же данное значение передается долготой конечного гласного: *бурса*: «скажи, пожалуйста».

В отличие от северных даргинских идиомов во всех трех рассматриваемых идиомах представлена развитая система провербов. Проверб *бет-* со значением «туда» в санжинском и тантынском совпадает: *бит-*, а в ицаринском в конце содержит один из долгих гласных *би:/бе:/бу*. Провербы *тти-* «за», *кви-* «в руки» и *би-*: «вместе», представленные в ицаринском (*тти-*, *кви-*, *би-*) и санжинском (*гъитти-*, *кви-*, *би-*), в тантынском отсутствуют.

Форма инфинитива в санжинском образуется посредством показателя *-ий* (*буц-ий* «поймать»), в тантынском имеем суффикс *-иж* (*буц-иж* «поймать»). В ицаринском функцию инфинитива выполняет субъюнктив, который изменяется по лицам, различая при этом переходные

и непереходные формы: перех. 1 л. *бицI-ий* «наполнить», 2 л. *бицI-umm-ай*, 3 л. *бицI-уй*, неперех. 1 л. *бицI-вд-ай*, 2 л. *бицI-ymm-ай*, 3 л. *бицI-ар-ай*.

В ицаринском идиоме для образования отрицательных форм используется удвоение глагольного корня: *б=иркь-е:ркь-ид* «не делаю» (от *б=иркь+а+б=иркь-ид*); отрицательный префикс *а* при этом сливается с гласным основы *и*, что в результате дает долгий гласный *е*:). В других идиомах отрицание выражается посредством показателей *а-* (санж., *а-луккад* «не дам») или *гъIя-* (тант., *гъIя-биркьид* «не сделаю»). Отрицательным вспомогательным глаголом 1-го лица в рассматриваемых идиомах выступают формы: *акквид* (ицар.), *акквади* (санж.) и *аккуда* (тант.).

В ицаринском и санжинском представлена модальная форма интенциоаналиса (в ицаринском образуется посредством маркера *-хха-* (*биркь-ахх-алли* «если буду делать»), санжинском *-ха-*), в тантынском она отсутствует. С другой стороны, в тантынском представлена форма отлагольного имени на *-ай*, которой нет в ицаринском и санжинском: *белчI-ай* «прочитавший». Как отмечается в работе [19], «это отглагольное имя образуется от минимальной основы совершенного вида, в единственном числе маркируется суффиксом *-ай*, во множественном *-ле*» [19, с. 130].

Одной из особенностей ицаринского является образование деепричастных форм настоящего времени посредством морфемы *-атти*, не выявленной в других даргинских идиомах. В санжинском данная форма образуется посредством уффикса *-ул*, а в тантынском – *-унне*: *бучI-атти* «читая» (ицар.) [14], *бучI-ул* (санж.), *бучI-унне* (тант.). Формы 2 лица единственного числа хабитуалиса в ицаринском образуются посредством аффикса *-тт*, в санжинском – *-тте*, в тантынском – *-тта*.

Отличается в идиомах и образование конверба со значением «когда, в то время, как...»: *-къилла* (ицар.), *-къял* (санж.), *-гIяле* (тант.). Следует отметить, что тантынская форма на *-гIяле* близка к аффиксу *-хIели* севернодаргинских идиомов [1].

Вопросительное наречие «как» имеет по идиомам следующие варианты: *ку:тти* (ицар.), *цетIле* (санж.), *севан* (тант.). В качестве вопросительной частицы в ицаринском выступает *-ни*, санжинском *-е*, тантынском *-а*. В сравниваемых идиомах используются разные варианты частицы со значением «все еще оставаться»: *б=игал* (ицар.), *б=ел* (санж.), *ле=б=ал* (тант.).

Таким образом, в работе проведено сравнительное исследование фонетических и морфологических явлений трех даргинских идиомов – ицаринского, санжинского и тантынского. Из рассмотренных 15 явлений звуковой системы в тантынском и санжинском совпадают 12, в ицаринском и санжинском – 2, а в ицаринском и тантынском совпадений не выявлено. В области морфологии сравнено 52 явления. Отличий между ицаринским и санжинским отмечено в 35 случаях, а совпадений – в 17 случаях. Между тантынским и санжинским в морфологии выявлено 44 отличия и 8 совпадений. Между ицаринским и тантынским идиомами совпадений в сравниваемых явлениях не обнаружено. Установлено, что звуковая система санжинского идиома значительно ближе к тантынскому, а по числу совпадений и отличий в морфологии санжинский идиом находится примерно между ицаринским и тантынским.

В перспективе предстоит выявить все фонетические и грамматические сходства и различия между даргинскими идиомами и определить границы языков, диалектов и говоров. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке окончательной классификации даргинских языков и диалектов, а также при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских языков.

Статья представляет собой переработанный вариант доклада «Даргинский языковой континуум: проблемы границ языков и диалектов», доложенного на XIV Конгрессе антропологов и этнологов России. 06.07.2021 г. г. Томск.

Литература

1. Абдуллаев С. Н. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, **1954**. 216 с.
2. Гасанова С. М. *Очерки даргинской диалектологии*. Махачкала: Дагестанский филиал Академии Наук СССР, **1971**. 328 с.
3. Кабибагамаев А. А. *Сравнительная морфология даргинского языка*. Махачкала: Издательство Дагестанского политехнического университета, **1999**. 242 с.
4. Кибрик А. Е. *Константы и переменные языка*. М.: Алтейа, **2003**. 660 с.
5. Коряков Ю. Б. *Атлас кавказских языков*. М.: Институт языкознания РАН, **2006**. 76 с.
6. Коряков Ю. Б. Даргинские языки и их классификация // *Дурхъаси хазна: Сб. статей к 60-летию Р. О. Муталова*. М.: Буки-Веди, **2021**. С. 139–154.
7. Ландер Ю. А. О разных морфологиях: тантынские даргинские локативные формы // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения–2008». М.: ИВ РАН, **2010**. С. 139–161.
8. Ландер Ю. А. Приименные посессивные конструкции в тантынском даргинском // *Кавказоведческие разыскания*. **2011**. №3. С. 77–95.
9. Ландер Ю. А., Мамаев М. Х. Тантынские сравнительные конструкции: особенности структуры и функционирования // *Дурхъаси хазна: Сб. статей к 60-летию Р. О. Муталова*. М.: Буки-Веди, **2021**. С. 155–165.
10. Магомедов А. А. *Кубачинский язык. Исследование и тексты*. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, **1963**. 342 с.
11. Мусаев М.-С. М. История словоизменяемых категорий даргинского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., **1989**. 42 с.
12. Муталов Р. О. *Глагол даргинского языка*. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, **2002**. 216 с.
13. Муталов Р. О. Дифференциация выражения направления в ицаринском диалекте даргинского языка // *Выражение пространственных отношений в языках Дагестана*. Махачкала, **1990**.
14. Муталов Р. О. Ицаринский диалект даргинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, **1992**. 24 с.
15. Муталов Р. О. К проблеме разграничения даргинских языков и диалектов // *The Newman In Foreign Policy*. **2020**. Т. 6. №57(101). С. 6–8.
16. Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, **2011**. 672 с.
17. Старостин С. А. О доказательстве языкового родства // *Труды по языкознанию*. М.: Языки славянских культур, **2007**. С. 779–793.
18. Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. *Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк. Вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянской культуры, **2014**. 752 с.
19. Сумбатова Н. Р., Муталов Р. О. Переходность или согласование? («переходные» и «непереходные» формы глагола в ицаринском диалекте даргинского языка) // *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского* / Под ред. А. П. Володина. М.: Знак, **2004**. С. 459–483.
20. Темирбулатова С. М. *Хайдакский диалект даргинского языка*. Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, **2004**. 308 с.
21. Услар П. К. *Хюркилинский язык (Этнография Кавказа. Языкознание. V)*. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, **1892**. 498 с.
22. Форкер Д, Гаджимурадов Г. *Санжинские сказки и рассказы (с приложением санжинско-русского и русско-санжинского словарей)*. Махачкала: Алеф, **2017**. 574 с.
23. Berg van den H. E. *Dargi folktales*. Leiden, **2001**. 326 p.
24. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1)* / Ed. M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov. Berlin: Language Science Press, **2020**. 366 p.

25. Forker D. *A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2)*. Berlin: Language Science Press, **2020**. 628 p.
26. Forker D. Elevation as a category of grammar: Sanzhi Dargwa and beyond // *Linguistic Typology*. **2019**. Vol. 23. Pp. 59–106.
27. Forker D. Sanzhi–Russian code switching and the Matrix Language Frame model // *International Journal of Bilingualism*. **2018**. Vol. 23. Pp. 1448–1468.
28. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A Grammar of Icarl Dargwa*. München: LINCOM Europa, **2003**. 242 p.
29. Swadesh M. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating // *International Journal of American Linguistics*. **1955**. Vol. 21. No. 2. Pp. 121–137.

Поступила в редакцию 22.10.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.6.7

The phonetic and morphological peculiarities of the Dargin idioms in comparison: Itzari, Sanzhi and Tanti

© R. O. Mutalov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Bldg. 1, 1 Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russia.*

Email: mutalovr@mail.ru

The problem of classification the Dargin languages and dialects that are spread in Central Dagestan (the total number of speakers is about 510 thousands people) remains one of the top issues in the Caucasiology: there is still no generally accepted classification of these idioms nowadays. The complexity of the problem is in the fact that the status of the Dargin idioms remained unsettled for a long period of time: it is not established if they are independent languages or the dialects of the one and the same common language. Earlier they were considered to be the dialects of the one and same common language; but for the last decades the linguists distinguished 17 Dargin languages in their studies based on the methods of lexicostatistics. However, the study of the grammatical level of Dargin idioms shows that the methods of lexicostatistics do not always objectively reveal the differences within closely related idioms. Therefore, in this work, along with the methods of lexicostatistics, grammatical criterion is also used: the main attention is paid to the study of the main phonetic and morphological phenomena. The author of the article compared the data of three Dargin idioms: Itzari, Sanzhi, and Tanti. 15 phenomena of the phonetic system were considered; 12 of them coincide within Tanti and Sanzhi idioms; only two of them within Itzari and Sanzhi ones; and within Itzari and Tanti idioms, no coincidences were found. Of all the 52 studied morphological phenomena, 35 differences and 17 coincidences were found out within Itzari and Sanzhi idioms, 44 differences and 8 coincidences within Tanti and Sanzhi ones, all 52 phenomena differ within Itzari and Tanti ones. It was found out that the phonetic system of the Sanzhi idiom is significantly close to the Tanti idiom; and in terms of the number of coincidences and differences in morphology, it is approximately between the Itzari and Tanti ones. The results of the study can be used as a background not only for forming the final unified classification of the Dargin languages and dialects, but also for general historical and comparative grammar of the Dargin languages.

Keywords: Caucasian languages, Dargin languages, classification of languages, methods of lexicostatistics, phonology, phonetic processes, morphology, grammatical categories.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Mutalov R. O. The phonetic and morphological peculiarities of the Dargin idioms in comparison: Itzari, Sanzhi and Tanti // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 6. Pp. 442–451.

References

1. Abdullaev S. N. *Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya) [Dargin grammar (phonetics and morphology)]*. Makhachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, **1954**.
2. Gasanova S. M. *Ocherki darginskoi dialektologii [Essays on Dargin dialectology]*. Makhachkala: Dagestanskii filial Akademii Nauk SSSR, **1971**.
3. Kabibagamaev A. A. *Sravnitel'naya morfologiya darginskogo yazyka [Comparative morphology of the Dargin language]*. Makhachkala: Izdatel'stvo Dagestanskogo politekhnicheskogo universiteta, **1999**.

4. Kibrik A. E. *Konstanty i peremennye yazyka [Language constants and variables]*. Moscow: Alteia, **2003**.
5. Koryakov Yu. B. *Atlas kavkazskikh yazykov [Atlas of Caucasian languages]*. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, **2006**.
6. Koryakov Yu. B. *Durkh"asi khazna: Sb. statei k 60-letiyu R. O. Mutalova*. Moscow: Buki-Vedi, **2021**. Pp. 139–154.
7. Lander Yu. A. *Byulleten' Obshchestva vostokovedov RAN. Trudy mezhhinstitut-skoj nauchnoj konferentsii «Vostokovednye chteniya–2008»*. Moscow: IV RAN, **2010**. Pp. 139–161.
8. Lander Yu. A. *Kavkazovedcheskie razyskaniya*. **2011**. No. 3. Pp. 77–95.
9. Lander Yu. A., Mamaev M. Kh. *Durkh"asi khazna: Sb. statei k 60-letiyu R. O. Mutalova*. Moscow: Buki-Vedi, **2021**. Pp. 155–165.
10. Magometov A. A. *Kubachinskii yazyk. Issledovanie i teksty [Kubachi language. Studies and texts]*. Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoj SSR, **1963**.
11. Musaev M.-S. M. *Istoriya slovoizmenitel'nykh kategorij dargin'skogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [History of inflectional categories of the Dargin language]*. Moscow, **1989**.
12. Mutalov R. O. *Glagol dargin'skogo yazyka [A verb of the Dargin language]*. Makhachkala: Izdatel'sko-poligraficheskij tsentr DGU, **2002**.
13. Mutalov R. O. *Vyrazhenie prostranstvennykh otnoshenij v yazykakh Dagestana*. Makhachkala, **1990**.
14. Mutalov R. O. *Itsarinskij dialekt dargin'skogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Makhachkala, **1992**.
15. Mutalov R. O. *The Newman in Foreign Policy*. **2020**. Vol. 6. No. 57(101). Pp. 6–8.
16. Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world]*. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, **2011**.
17. Starostin S. A. *Trudy po yazykoznaniyu*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, **2007**. Pp. 779–793.
18. Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Dargin'skij govor seleniya Tanty. Grammaticheskij ocherk. Voprosy sintaksisa [Dargin dialect of Tanty village. Grammar essay. Syntax issues]*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, **2014**.
19. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike: K 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo*. Ed. A. P. Volodina. Moscow: Znak, **2004**. Pp. 459–483.
20. Temirbulatova S. M. *Khaidak'skij dialekt dargin'skogo yazyka [Khaidak dialect of the Dargin language]*. Makhachkala: Izdatel'stvo tipografii DNTs RAN, **2004**.
21. Uslar P. K. *Khyurkilinskij yazyk (Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. V) [Khurkilin language (Ethnography of the Caucasus. Linguistics. 5)]*. Tiflis: Izdanie Upravleniya Kavkazskogo uchebnogo okruga, **1892**.
22. Forker D., Gadzhimuradov G. *Sanzhinskie skazki i rasskazy (s prilozheniem sanzhijsko-russkogo i russko-sanzhinskogo slovarei) [Sanzhin fairy tales and stories (with the appendix of the Sanzhin-Russian and Russian-Sanzhin dictionaries)]*. Makhachkala: Alef, **2017**.
23. Berg van den H. E. *Dargi folktales*. Leiden, **2001**.
24. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1)*. Ed. M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov. Berlin: Language Science Press, **2020**.
25. Forker D. *A grammar of Sanzhi Dargwa (Languages of the Caucasus 2)*. Berlin: Language Science Press, **2020**.
26. Forker D. *Linguistic Typology*. **2019**. Vol. 23. Pp. 59–106.
27. Forker D. *International Journal of Bilingualism*. **2018**. Vol. 23. Pp. 1448–1468.
28. Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A Grammar of Icarci Dargwa*. München: LINCOM Europa, **2003**.
29. Swadesh M. *International Journal of American Linguistics*. **1955**. Vol. 21. No. 2. Pp. 121–137.

Received 22.10.2021.